

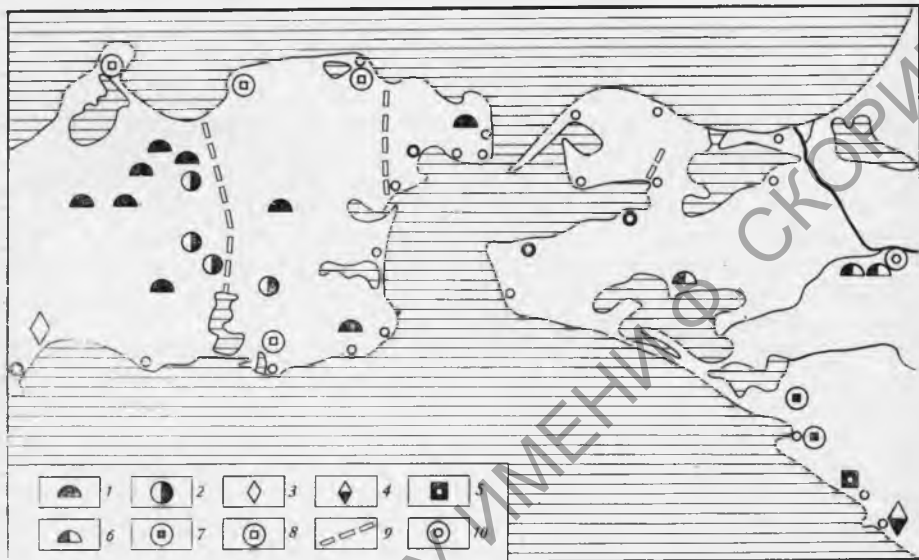
К ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ ХОРЫ БОСПОРСКОГО ГОСУДАРСТВА В VI-II ВВ. ДО Н.Э.

Долгое время в распоряжении исследователей, изучавших варварские племена, входившие в Боспорское государство, имелись лишь письменные источники. Однако благодаря успешным раскопкам последних двух десятилетий стало возможным конкретизировать в некоторой степени наши представления о скифах Крыма, синдах, меотах и других соседях боспорских греков (см. рис.).

Античные авторы далеко не равномерно освещают вопрос об этническом составе населения Восточного Крыма и Таманского п-ова в VI—II вв. до

н. э., к тому же они крайне ограничены и фрагментарны. Наиболее достоверные и многочисленные сведения были собраны греками в период, непосредственно последовавший за колонизацией Северного Причерноморья, и в эпоху расцвета Боспорского царства, т. е. в конце VI—IV вв. до н. э., и содержатся также в трудах греко-римских писателей I в. до н. э.—I в. н. э.

Географически территория Боспора Киммерийского делилась античными авторами на европейскую и азиатскую части, но важно то, что они ясно

Памятники VII—I вв. до н. э. варварского населения хоры Боспорского государства. 1 — скифские курганы; 2 — поселения скифов-земледельцев; 3 — мо ильник Фронтное I; 4 — могильник у Новороссийска; 5 — могильник «Широкая балка»; 6 — синдские курганы; 7 — синдские грунтовые могильники; 8 — могильники «пост-киммерийцев»; 9 — оборонительные валы; 10 — Семибратнее городище

представляли себе этническую неоднородность варваров, обитавших вначале по соседству с греческими городами-колониями, а затем и в пределах хоры Боспорского государства.

Обратимся в первую очередь к данным античных авторов о населении Керченского п-ва в VI—II вв. до н. э. Наиболее ранним упоминанием о скифах в Восточном Крыму мы обязаны Геродоту, помещавшему их на загадном берегу Боспора Киммерийского (Herod., IV, 100). По всей видимости, реальные события VI—V вв. до н. э. нашли отражение в его рассказе о военных походах скифов, живших «...по эту сторону рва...» (οἱ ἐν τῷ τάρῳ) и переправлявшихся по замерзшему проливу в Синдику¹. Скорее всего,

¹ Herod., IV, 28. Это место в повествовании Геродота можно понимать двояко в зависимости от того, где находился рассказчик: в Ольвии или на Боспоре. И речь шла о скифах, живших либо к западу от указанного вала, в глубине Крыма, либо к востоку от него, в восточной части Керченского п-ова. В последнем случае можно допустить, что Геродот побывал на Боспоре (такое предположение было вновь высказано Б. А. Рыбаковым в его книге «Геродотова Скифия») или заимствовал этот рассказ у какого-то автора, знакомого с Боспором, например Гекатея Милетского. Можно допустить, что Геродот участвовал в «понтийской экспедиции» Перикла или использовал сведения, собранные одним из ее участников, возможно, Периклом, с которым он, как известно, был близок. Однако в подтверждение этого у нас нет никаких данных. Ни подробности, ни маршрут этого плаванья не известны. Зимние же походы скифов были, по-видимому, вызваны поисками пастбищ в плавнях Кубани. Ср. у Страбона: «Кочевники зимой пасутся в болотах около Меотиды, летом же на равнине» (VII, 3, 17).

речь здесь идет о сохранившемся до наших дней вале и рве, пересекающем Керченский п-ов от Казантипского залива на севере до Узунларского озера на юге, который, вероятно, можно отождествить с одним из упомянутых Геродотом «киммерийских укреплений» (Herod., IV, 1, 2). О скифах, обитавших на востоке и на западе Керченского п-ва сообщает и Псевдо-Скилак Кариандский (IV в. до н. э.) (Ps.-Scyl., 68). До недавнего времени здесь, за исключением гробниц на Темир-Горе не было известно собственно скифских памятников. В настоящий момент открыто около сотни скифских погребений V—III вв. до н. э.² Почти все они обнаружены в курганах степной части полуострова, как к западу, так и к востоку от упомянутого выше вала, и представляли собой одиночные и коллективные захоронения в каменных ящиках, склепах или грунтовых могилах. Доминирует вытянутое труположение с западной ориентацией³. По мнению И. Т. Кругликовой, скифским было и население нескольких раскопанных ею в глыбине полуострова поселений IV—III вв. до н. э.⁴

Наличие скифских погребений IV—III вв. до н. э. в окрестностях Китея⁵ подтверждает достоверность сведений перипла Псевдо-Арриана («от Афиниона до Кит живут скифы, затем следует Боспор...» — Ps.-Arr., 76) и свидетельствует о том, что эти сведения, возможно, были заимствованы автором V в. н. э. из какого-то неизвестного нам источника, восходящего ко времени не позднее IV в. до н. э.

Из смутных и противоречивых версий об основании Пантикапея⁶ как будто бы следует, что какие-то «скифы» находились в Восточном Крыму еще в начале VI в. до н. э.⁷ Однако скифские памятники этого времени, за исключением единичного погребения на Темир-Горе, пока не найдены, а относящиеся к V в. до н. э. весьма редки. Возможно, это объясняется или немногочисленностью скифского населения в этом районе, или тем, что его основные кочевья и могильники располагались не на Керченском п-ове. Не исключено также, что территория Восточного Крыма, вероятно, как и часть Таманского п-ова, к моменту появления здесь греков была сильно опустошена в результате скифо-киммерийского противоборства.

Рассказ Геродота о походах скифов в Синдику рисует яркую картину их кочевого образа жизни в VI—V вв. до н. э. Небольшие эллинские города с их хорошей первоначально вряд ли сколь-либо ограничивали площадь скифских кочевий. Контакты скифов с греками в это время были, видимо, эпизодическими и носили в основном мирный характер⁸. Это согласуется с отсутствием определенно скифских элементов в некрополях городов Европейского Боспора в VI—первой половине V в. до н. э.

В начале V в. до н. э. во всем скифском мире, по-видимому, происходили какие-то еще не ясные нам перемены социального или экономического характера⁹. В конце V в. до н. э. начался переход от кочевого скотоводства

² Э. В. Яковенко, Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма, сб. «Древности Восточного Крыма», Киев, 1970, стр. 115; Б. Г. Петерс, П. М. Кожин, Г. М. Ефимова, Охранные работы на курганном могильнике у с. Михайловка, КСИА, 130, 1972, стр. 97—104.

³ Яковенко ук. соч., стр. 115—121.

⁴ И. Т. Кругликова, Сельское хозяйство Боспора, М., 1975, стр. 15, 31, 58.

⁵ М. Ю. Марти, Городища Боспора к востоку от Керчи, ИТОИАЭ, т. II, 1928, стр. 103—119.

⁶ Strabo, XI, 2, 5; Steph. Byz., s. v. Παντικάπειον.

⁷ Основание Пантикапея относится исследователями ко второй четверти VI в. до н. э. Эмпорий же на этом месте возник еще раньше (см. В. Д. Блаватский, Пантикапей, М., 1964, стр. 16, 18, 23).

⁸ Учитывая, что события, о которых повествует Геродот в легенде о царе Скиле, произошли, по-видимому, в первой половине V в. до н. э., можно допустить, что отношение скифов к греческой культуре, образу жизни и т. п. в Ольвии было аналогичным в это время и в районе боспорских городов.

⁹ Возможно, эти перемены были как-то связаны со «скифским походом» Дария.

к земледелию и оседлости¹⁰, в курганах Керченского п-ова появляются особенно многочисленные в IV в. до н. э. погребения в массе своей рядового скифского населения.

Быть может, именно усиление скифов в Крыму, вероятно находившееся в какой-то связи со всей «международной» обстановкой на границах эллинского мира в первой половине V в. до н. э.¹¹, являлось одной из причин консолидации греков на Боспоре и образования государства Археанактидов, а затем Спартокидов. Все это, однако, не означало, что греко-скифские отношения и в конце V — начале IV в. до н. э. носили характер непрерывной конфронтации. Уместно допустить, что успешная компания Левкона I против Феодосии стала возможной лишь при условии, как минимум, благожелательного нейтралитета скифов Восточного Крыма¹².

В дальнейшем стремление окрепшего Боспорского государства установить свой контроль над всеми землями полуострова, приносившими немалый доход, встречало сопротивление местного варварского населения и приводило к вспышкам военных действий. Видимо, о таком конфликте бегло упоминает Демосфен в своей речи «Против Формиона», из которой мы узнаем, что купец Формион, «... прибыв на Боспор, застал там дела в дурном положении, вследствие случившейся у Перисада войны со скифским царем... (τῷ Σκιθαῖον)»¹³. События эти относятся к середине — третьей четверти IV в. до н. э. — времени правления Перисада I. Скифского царства в Крыму в это время еще не было, поэтому Перисад воевал с каким-то царьком скифских племен Восточного Крыма. Точно определить это по тексту речи Демосфена невозможно. Дело завершилось миром или даже союзным договором, так как некоторое время спустя скифы как союзники (ἑταῖροι) Сатира принимают активное участие в междоусобной борьбе сыновей того же Перисада (Diod., XX, 22). Рассказ Диодора и многочисленные находки предметов вооружения в захоронениях свидетельствуют, что вплоть до конца IV в. до н. э. скифы Керченского п-ова не были бесправным или зависимым от боспорских правителей населением. Перемены в его положении произошли, вероятно, только в правление Евмела (309—303 гг. до н. э.). Не исключено, что он, помня об участии скифов во враждебной ему коалиции, осуществил ряд карательных походов, результатом которых было усмирение или подчинение хотя бы части варваров, как собственно скифов, так и, возможно, других этнических групп, обитавших в Восточном Крыму. Во всяком случае, с одной стороны, мы имеем, правда весьма не конкретное, упоминание Диодора Сицилийского о присоединении Евмелом земель соседних варваров (Diod., XX, 25), с другой — свидетельства археологических раскопок об исчезновении оружия из скифских погребений первой половины III в. до н. э.¹⁴

Вторая четверть — середина III в. до н. э. — важный рубеж в истории Боспорского государства. В это время происходят глубокие изменения в его экономике, в первую очередь в сельском хозяйстве, а также значительные перемены в социальной и этнической структуре. Исчезают неукрепленные

¹⁰ Яковенко, ук. соч., стр. 131 сл.

¹¹ Мы имеем в виду антиэллинский союз персов на Востоке, этрусков и карфагенян — на Западе. Возможно, в какой-то мере в эту коалицию были вовлечены и ираноязычные скифы (см. В. Д. Блаватский, Архαιческий Боспор, МИА, 33, 1954, стр. 39).

¹² Рассказ Полиена о каких-то скифах в войсках Левкона, быть может, свидетельствует и об участии скифов Восточного Крыма в походах против Феодосии (P o l y e n., VI, 9, 4).

¹³ D e m., adv. Phorm. 8.

¹⁴ Э. В. Яковенко, Е. В. Черненко, В. Н. Корпусова, Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма, сб. «Древности Восточного Крыма», Киев, 1970, стр. 136—179.

сельские поселения в глубине Керченского п-ова¹⁵, жителями которых были, вероятно, осевшие на землю скифы. В курганных могильниках, часто расположенных вблизи этих деревень, нет захоронений, относящихся к более позднему, чем середина III в. до н. э., времени¹⁶. В произведениях античных авторов не содержится никаких сведений о населении хоры Европейского Боспора в последующие полтора столетия. Однако, прежде чем обратиться к новому археологическому материалу III—I вв. до н. э., остановимся еще на некоторых вопросах этнического состава обитателей Восточного Крыма в VI — начале III в. до н. э.

В окрестностях Феодосии, у села Фронтное, раскопан грунтовый некрополь (Фронтное I), содержащий коллективные скорченные и вытянутые захоронения, имевшие по большей части западную ориентацию. Костяки были посыпаны охрой и сопровождались небогатым инвентарем, а также костями животных, а могильные ямы были завалены камнями¹⁷. Такая черта погребального обряда, как ритуальная окраска покойного, кроме этого могильника зафиксирована на Боспоре лишь в одном из погребений пантикапейского некрополя V в. до н. э. Речь идет об известном погребении тавра — Тихона, весь вытянутый костяк которого был пропитан охрой¹⁸, а имя и этнос стали известны благодаря эпитафии на уцелевшем надгробии¹⁹. По всей видимости, могильник Фронтное I оставлен какой-то группой таврских племен, живших недалеко от Феодосии, сохранивших в своем погребальном обряде некоторые черты, восходящие еще к эпохе бронзы, но испытавших и известное скифское влияние.

Античная традиция единодушно связывает Восточный Крым и западную часть Таманского п-ова с исконной территорией легендарных киммерийцев²⁰. Геродот, повествуя о борьбе киммерийцев и скифов (IV, 11), называет «киммерийские укрепления», «киммерийскую переправу» и впервые употребляет название всей страны — «Боспор Киммерийский» (IV, 12). У некоторых более поздних авторов имеются и другие, связанные с киммерийцами названия мест и селений на Боспоре²¹. Страбон прямо говорит, что «киммерийцы некогда имели большую силу на Боспоре, вследствие чего и Боспор назван Киммерийским» (XI, 2, 5). Время сооружения вала на Фанталовском п-ове, двух валов на Керченском п-ове и, возможно, входивших в систему укреплений Тиритацкого вала древнейших циклопических сооружений «Золотого кургана» до сих пор не установлено. Не известно, одновременны ли эти постройки и действительно ли возведены киммерийцами. Ясно лишь, что к приходу на Боспор греков, а возможно, и скифов все они уже существовали и впоследствии, видимо, неоднократно использовались и подновлялись. Как бы ни было, нельзя не признать грандиозности и сложности проделанной работы. Такое строительство потребовало значительного числа рабочих рук, единой организации труда и свидетельствует о важности этих укреплений для местного населения.

Принято считать, что даже первые греческие поселенцы уже не застали на Боспоре киммерийцев. Между тем целый ряд названий боспорских

¹⁵ К р у г л и к о в а, Сельское хозяйство Боспора, стр. 20, 98—99.

¹⁶ Я к о в е н к о, ук. соч., стр. 115.

¹⁷ В. Н. К о р п у с о в а, Про населения хори античної Феодосії, «Археологія» 6, 1972, стр. 42—46.

¹⁸ В. В. Ш к о р п и л, Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях, ИАК, вып. 9, 1904, погр. 55.

¹⁹ КВН, № 114, стр. 112.

²⁰ Необходимо оговориться, что под киммерийцами здесь мы понимаем местное доскифское население Керченского и части Таманского п-ова, давшее свое название мощному, по-видимому разноязычному, племенному союзу, существовавшему в предскифское время в Северном Причерноморье.

²¹ P. s. - S k y m n., 886; S t r a b o, VII, 4, 3; XI, 2, 5; P l i n., NH, VI, 3, 18; M e l a, I, 112; P t o l e m., III, 1—5; V, 8, 4.

городов как на Керченском, так и на Таманском п-ове имеет весьма древнее и явно негреческое происхождение. Среди них преобладают иранские²², но есть, вероятно, и фракоязычные²³. По всей видимости, они произошли от наименований туземных поселений. Естественно, что в процессе существования на их месте греческих городов слои и постройки доэллинской эпохи были скорее всего уничтожены. Поскольку царские скифы (сколоты) в столь ранний период своей истории, судя по всему, были кочевниками, можно предположить, что жителями этих небольших селений были остатки какого-то местного доскифского населения, коим на рассматриваемой территории вполне могли быть киммерийцы. Не противоречит этому и иранские названия. Хотя в настоящий момент еще недостаточно обосновано мнение об ираноязычности киммерийцев²⁴, примечательно наименование боспорской столицы Пантикапея, переводимое В. И. Абаевым как «рыбный путь»²⁵. В. Д. Блаватский обратил внимание на то, что такое название могло возникнуть лишь в среде более или менее оседлого населения, связанного с рыбным промыслом, каковым никак нельзя признать ранних скифов²⁶. Правда, при современном состоянии наших знаний нельзя еще с полной определенностью сказать, действительно ли имеются на ряде поселений и городищ слои, относящиеся в киммерийской эпохе, предшествуют ли они непосредственно «греческим», или между ними существовал хронологический разрыв.

Однако здесь все же есть еще малоизученные памятники, которые, как нам кажется, нельзя связать ни со скифским, ни с таврским этносом. Речь идет о погребениях в каменных ящиках, окруженных кольцевыми выкладками из камней различных размеров. Впервые раскопки этих гробниц в районе деревень Куль-Тепе и Сюрюташ на берегу Азовского моря осуществил в конце XIX в. археолог-любитель А. А. Дирин²⁷. Аналогичные захоронения известны также в районе горы Опук, у села Золотое на берегу Казантипского залива на мысе Казантип, у мыса Зюк. Всего в настоящий момент раскопано несколько десятков погребений²⁸. Наиболее ранние из них относятся еще к VI—V вв. до н. э., самые поздние — к II—I вв. до н. э.²⁹. Погребальный обряд не находит полных аналогий ни

²² Иранскими, видимо, были следующие названия городов: Аборака, Пантикапей, Казека, Кидеака (Китей), Танаис.

²³ К числу фракийских, возможно, следует отнести такие названия, как Тиритака, Тирамба, Синдика. Ряд из них, например, Казека, Тиритака, Тирамба, Корокапдама, Бата, О. Н. Трубачев предлагает считать индоарийскими. Носителями этого языка, по его мнению, были синды и меоты (О. Н. Трубачев, О синдах и их языке, ВЯ, 1976, № 4, стр. 58—61).

²⁴ J. Nagatta, Le problème cimmérien, *Archaeologia Ertesitö*, № 7—9, 1946—1948, стр. 131; В. И. Абаев, Скифо-европейские изоглоссы, М., 1965, стр. 125—127; он же, О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы, сб. «Проблема скифской археологии», М., 1971, стр. 11; Э. В. Грантовский, Ранняя история иранских племен Передней Азии, М., 1970, стр. 5.

²⁵ В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, т. II, М., 1949, стр. 170, 175, 193; он же, «Пантикапей», «Исследования в чест на академик Д. Дечев», София, 1958, стр. 183—186.

²⁶ Блаватский, Пантикапей, стр. 18—19.

²⁷ А. А. Дирин, Мыс Зюк и сделанные на нем археологические находки, ЗООИД, т. 19, 1896, стр. 128 сл.

²⁸ См. там же, стр. 128; А. М. Лесков, Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове, СА, 1961, № 1, стр. 263; И. Т. Кругликова, Каменные ящики у деревни Рыбное, сб. «Кавказ и Восточная Европа в древности», М., 1973, стр. 162—165; В. Н. Корюсов, Р. С. Орлов, Могилиник VI—IV вв. до н. э. на Керченском полуострове, «Археология», 28, Київ, 1978, стр. 65 сл.; А. А. Масленников, О населении прибрежных районов Восточного Крыма в VI—I вв. до н. э., СА, 1980, № 1, стр. 5 сл.

²⁹ Подробнее о погребальном обряде и этнической принадлежности этих погребений см. Масленников, О населении...

с одним из известных обрядов варварского населения Северо-Восточного Причерноморья. Вместе с тем в нем есть элементы, общие со скифским, таврским и особенно обрядом синхронных им гробниц, обнаруженных в последние годы в Юго-Западной Синдике.

Этническая принадлежность обитателей Керченского п-ова, оставивших рассматриваемые захоронения, не вполне ясна. Не исключено, что это были потомки уцелевших киммерийцев, оттесненных скифами в наиболее глухие прибрежные районы полуострова. В этой связи, быть может, не столь уже нереально, как это кажется с первого взгляда, звучат слова автора II в. н. э. Дионисия о том, что киммерийцы живут по берегам Боспора Киммерийского (Dion. Per., 47—50), по соседству с синдами и керкетами (652—710). Как знать, не восходит ли это описание к еще более древнему источнику, чем это считал М. И. Ростовцев³⁰, и не отражает ли оно реальную картину народонаселения этого района еще в доскифскую эпоху?

В рассматриваемых погребениях III—I вв. до н.э., с одной стороны, усиливаются черты, характерные для погребального обряда скифов Восточного Крыма: устойчивая западная ориентация, увеличение числа костяков в одной могиле от четырех до нескольких десятков, некоторые изменения в конструкции каменных ящиков, изредка невысыхающие курганные насыпи; с другой — ощущается и воздействие греческих традиций: рядом с покойным — монеты, светильники, отсутствуют кости жертвенной пищи.

Эти перемены хорошо объясняются и согласуются с изменениями в хоре Европейского Боспора в середине III в. до н.э., а сами захоронения³¹ позволяют хотя бы в какой-то мере представить исторические судьбы местного варварского населения во второй половине III — начале I в. до н.э. Вероятно, обитатели деревень, в массе своей осевшие на землю скифы, в середине — второй половине III в. до н.э. из глубины полуострова в силу экономических, климатических, а возможно, и политических причин переселились или были переселены в прибрежные районы, где в это время появляются укрепленные поселения³². Эдесь они застали остатки древних обитателей этих районов, еще теснее сблизившись с боспорскими греками. Можно допустить, что именно в это время и было завершено подчинение местного населения, в основном скифов, боспорскими правителями. Однако это происходило не без его сопротивления, наиболее ярким проявлением которого, видимо, и явилось движение Савмака. Процесс этот характерен и для последующих столетий, хотя в I в. до н.э. население Восточного Крыма сильно пострадало как вследствие карательных походов Диофанта, набегов варваров (Strabo, II, 1, 16) и иных бурных событий Митридатовой эпохи, так и опустошительного землетрясения 63 г. до н.э.³³ Целый ряд поселений на берегу Азовского моря был разрушен, на некоторых из них жизнь не возродилась и впоследствии³⁴. Вероятно, к этому времени и относятся слова Страбона о том, что весь берег Меотийского озера, мимо которого приходится плыть, «... со стороны Европы пустынен...» (Strabo, VII, 4, 5).

Процессы, идентичные в некоторых чертах имевшим место в Восточном Крыму, но на другой этнической основе и со специфическими особенностями протекали в VI—II вв. до н.э. и на сельской территории Азиатского Боспора. Племена, обитавшие на Таманском п-ове, были известны грекам

³⁰ М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, Л., 1925, стр. 81.

³¹ Погребения III—I вв. до н.э. пока обнаружены лишь в результате раскопок у села Золотое.

³² Кругликова, Сельское хозяйство Боспора, стр. 98.

³³ Dio Cass., XXXVII; P. Oros., VI, 5, 4.

³⁴ Кругликова, Сельское хозяйство Боспора, стр. 99 сл.

уже с VI в. до н. э. Так, древнейшие сообщения с Синдике мы находим у жившего в это время Гишпоакта из Эфеса³⁵. Синдику знают также Гекатей Милетский (VI—V вв. до н. э. (Hecat., 161) и Геродот (IV, 28). Вероятно, сведения Гекатея о Северо-Восточном Причерноморье были весьма обширны, но и среди того немногого, что дошло до нас, имеется упоминание о дандариях и иксибатах (Hecat., 161), живших по соседству с Синдикой. О синдах и меотах на противоположном от Пантикапея берегу пролива пишет Гелланик из Митилены (V в. до н. э.) (Hellan., 92).

Благодаря некоторым эпиграфическим памятникам IV—III вв. до н. э. нам известны названия ряда меотских племен, а скорее, племенных союзов находившихся в зависимости от Боспора. Это прежде всего синды, затем — тореты, дандарии, псессы, фатеи, досхи, керкеты. Анализ текстов свидетельствует, что Синдика была наиболее важной и надежной среди прочих контролировавшихся Спартокидами областей, а также подтверждает замечание Страбона о том, что подчинение этих племен не было полным и то одно, то другое из них отпадало от Боспора (XI, 2,11).

Картину расселения меотских племен Таманского п-ова во второй половине IV в. до н. э. рисует Псевдо-Скилак Кариандский. Вслед за «женоуправляемыми», т. е. савроматами, оно помещает меотов, затем «народ синдов», керкетов, торетов и, наконец, ахеян (Ps.-Scyl., 71—75). Вне зависимости от решения вопроса о подлинном содержании слова «ахеян» рассказ Диодора Сицилийского (XX, 22—26) содержит интереснейшие сведения о военном деле, быте и взаимоотношениях с Боспором меотского населения в конце IV в. до н. э. Видимо, меотов имел в виду неизвестный автор перипла II—I вв. до н. э., приписываемого Скимну, упоминавший «лимнеев», т. е. озерян, «живущих по ту сторону Пантикапея» (Ps.-Skymn., 850). В целом материал, содержащийся у Псевдо-Скимна, вероятно, относится к более раннему периоду и, по мнению М. И. Ростовцева³⁶, в значительной степени заимствован им у авторов IV в. до н. э. Эфора и Деметрия Каллатийского. Некоторые представления об обычаях и религиозных воззрениях синдов, керкетов и меотов можно получить со слов Николая Дамасского (17, 41) и более позднего писателя — Максима Тирского (Max. Tirs., 8). Наиболее обширные известия об этническом составе населения Азиатского Боспора к середине I в. до н. э. содержатся в «Географии» Страбона, который дает также и характеристику хозяйственного уклада и быта меотских племен. «Они, — пишет Страбон, хотя и занимаются земледелием, но воинственностью не уступаютномадам. Они разделяются на многие племена, из которых ближайшие к Танаису отличаются большей дикостью, а прилетающие к Боспору более мягкими нравами...» (Strabo, XI, 2,5). К числу же меотов, согласно Страбону, относятся «...сами синды, затем дандарии, тореаты, агры, аррихи, а также таринты, овидиакины, ситтакины, досхи и многие другие» (XI, 2,11). Кроме них он называет ахеев, зигов, гениохов и керкетов (XI, 2,1). Среди перечисленных племен многие известны в составе Боспора и по соседству с ним еще с IV в. до н. э., другие больше никем до Страбона не упоминались.

Создается впечатление, что античные авторы значительно более детально были знакомы с варварским миром Таманского п-ова и Нижнего Прикубанья, чем Восточного Крыма. Но при этом надо учесть, что сведения наиболее осведомленного из них Страбона были, скорее всего, собраны уже в I в. до н. э., в эпоху повышенного интереса античного мира к Боспору ввиду событий Митридатовых войн. И большое число известных нам названий меотских племен объясняется тем, что местное население, по крайней ме-

³⁵ В. Д. Блаватский, Первое упоминание о Синдике, «Известия в честь на академика Дечев», София, 1961, стр. 703 сл.

³⁶ Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 26—29, 32.

ре до I в. н. э., сохраняло свою племенную структуру и известную независимость от Боспора. В то время как туземное население Восточного Крыма к тому времени смешалось, его культура и этнические особенности были в значительной степени нивелированы, самостоятельность утеряна. Это подтверждается, как мы видели выше, и данными археологии.

Анализ грунтовых некрополей боспорских городов, проведенный автором, показывает, что контакты греков с варварами и проникновение последних в города Таманского п-ова началось раньше и было значительно шире, чем это имело место на Европейском Боспоре³⁷. Это в свою очередь также может объяснить большую осведомленность греков о меотских и синдских племенах.

Исследователями неоднократно ставился вопрос о характере взаимоотношений синдо-меотов с Боспорским государством³⁸, а также делались попытки дать примерную картину их расселения, самой удачной из которых следует признать схему, предложенную В. П. Шиловым³⁹. Однако все эти построения опирались лишь на письменную традицию. В археологическом плане не удавалось до самого последнего времени выделить сколько-либо характерные группы памятников (поселений или могильников), которые можно было бы связать с тем или иным из известных меотских племен⁴⁰. Прежде всего следует отметить, что территория Азиатского Боспора, видимо, делилась на собственно боспорскую условно «греческую» землю, включавшую в себя города с их хорой, и районы подчиненных местных племен. Трудно даже примерно сказать, где находилась «царская» земля, существование которой мы можем предположить судя по одному из рассказов Полиена о Левконе (Polyen., IV, 9,3)⁴¹, и короткому замечанию Диодора Сицилийского в его повествовании о царе Евмеле, который погиб, «...возвращаясь из Синдики в свою землю» (εις τὴν οὐκισίαν) (Diod., XX, 25). Ясно лишь, что еще в конце VI в. до н. э. даже Синдика, несмотря на сильную эллинизацию, сохраняла известную автономию.

Территорию Синдики античные авторы более или менее единодушно определяют от Фанагории до Горгиппии. В глубь полуострова она, вероятно, простиралась до Семибратнего городища. Район побережья Азовского моря близ впадения в него одного из рукавов Кубанской дельты и города Тирамбы и далее на восток занимали дандарии. Не ясно, кто из меотских племен населял Фанталовский п-ов, ибо на этот счет нет никаких указаний письменных источников⁴², а многолетние разведки⁴³ как здесь, так и в

³⁷ А. А. Масленников, Этнический состав населения боспорских городов в VI—V вв. до н. э., СА, 1978, № 1, стр. 24 сл.

³⁸ Н. В. Анфимов, Меоты и их взаимоотношения с Боспором в эпоху Спартокидов, сб. «Античное общество», М., 1967, стр. 127—131.

³⁹ В. П. Ш и л о в, О расселении меотских племен, СА, XIV, 1950, стр. 102—123.

⁴⁰ Принято считать, что Семибратние курганы, а также, возможно, погребения в Карагодеуашском кургане и в кургане у Цукурского лимана дают известное представление о погребальном обряде синдской аристократии.

⁴¹ По мнению В. Д. Блаватского, села, о которых идет речь в рассказе Полиена, находились на Керченском п-ове. Но не исключено, что такие же царские земли были и на Таманском п-ове, во всяком случае Евмел лично распорядился какой-то «Псоей и областью», поселив там каллатийцев (D i o d., XX, 25). Корень «нс» в названии «Псоя» чрезвычайно характерен для районов Предкавказья, вспомним хотя бы племя псессов, современные названия: Туапсе, Псоу, Псишихо и др.

⁴² Некоторые данные древней топонимики Фанталовского полуострова: город Киммерий, мыс Киммерик, «киммерийский» вал, быть может, свидетельствуют о пребывании здесь киммерийцев.

⁴³ См. подробнее В. Д. Б л а в а т с к и й, Первый год работы Синдской экспедиции, КСИИМК, вып. 48, 1952, стр. 73 сл.; о н ж е, Второй год работы Синдской экспедиции, КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 149 сл.; о н ж е, Третий год работ в Синдике, КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 88 сл.; о н ж е, Четвертый год раскопок в Синдике, КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 118 сл.; о н ж е, Пятый год работ в Синдике, КСИИМК, вып. 74, 1958, стр. 48 сл.

окрестностях городов Кеп, Фанагории, Гермонассы не дали явно негреческих памятников VII—I в. до н. э. Быть может, эти земли были слабо заселены ко времени появления эллинов на берегах Таманского п-ова, представлявшего в древности группу различных по размеру островов. Вероятно, местное варварское население, перенесшее скифское вторжение, а возможно, и участвовавшее в киммерийских и скифских походах, сильно сократилось или переместилось в глубинные районы полуострова и к предгорьям Кавказа. Лишь недавно недалеко от Анапы удалось обнаружить грунтовые могильники местного варварского населения⁴⁴, в которых уже раскопано более сотни погребений, относящихся к концу VI—I в. до н. э. Гробницы — грубые каменные ящики либо простые грунтовые могилы, как имевшие заклад из каменных плит, так и без него, в большинстве случаев были окружены овальными кругами, выложенными из камней, или перекрыты сплошной обкладкой из различных по размеру камней, причем самые крупные лежали на границе «кольца». В захоронениях, как одиночных, так и коллективных, содержащих два — четыре костяка, господствует вытянутое труположение с восточной или северо-восточной ориентацией, однако встречаются скорченные погребения. Инвентарь представлен лепной и гончарной посудой, в том числе чернолаковой, медными украшениями (подвески в полтора оборота, браслеты, перстни), бусами. В могилах V—IV вв. до н. э. попадает оружие: мечи (разнообразные типы акинаков), наконечники копий и дротиков, изредка боевые секиры⁴⁵.

Для определения этнической принадлежности населения, оставившего рассматриваемые погребения, естественно было бы обратиться к уже известным могильникам на соседних территориях. Наиболее хорошо изучен погребальный обряд меотов Среднего Прикубанья, чьи захоронения, в том числе и относящиеся к VII—I вв. до н. э., исчисляются многими сотнями⁴⁶. Разумеется, на протяжении этих столетий меотский погребальный обряд не оставался неизменным. Не вдаваясь во все подробности, отметим лишь, что с течением времени в нем возобладало вытянутое труположение, уже в V в. до н. э. ставшее господствующим. Южная ориентация, первоначально доминировавшая, с IV—III вв. до н. э. уступает место восточной, хотя как первая «после», так и вторая «до» указанного периода встречается повсеместно. Процент прочей ориентации невелик. Для обряда рядового меотского населения характерны одиночные захоронения в простых грунтовых могилах без перекрытий, глубина которых несколько возрастает к I в. до н. э. Инвентарь, в основном керамика, помещался всегда справа, оружие (преимущественно наконечники копий и стрел, реже мечи), при-

⁴⁴ Имеются в виду могильники у хутора Рассвет в 18 км юго-восточнее Анапы, у хутора Красная Скала — в 15 км северо-восточнее города и у пос. Воскресенского.

⁴⁵ О погребальном обряде захоронений в этих могильниках см. подробнее: Л. С. Лебедева, В. Н. Карасев, Гробницы у хутора Рассвет, КСИИ, 130, 1972, стр. 58—61; Ю. С. Крушкoл, Отчеты об археологических исследованиях в Анапском районе в 1969—72 гг. см. соответственно: Архив ИА АН СССР, Р — I, № 4264, стр. 7—17; № 4310, стр. 8—20; № 4667, стр. 8—22; № 4859, стр. 14—28; Е. М. Алексеева и др., Исследование Горгипии и ее хоры, АО 1974 г., М., 1975, стр. 94—95; Е. М. Алексеева и др., Горгипия и ее окрестности, АО 1975 г., М., 1976, стр. 108. Пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность Е. М. Алексеевой за предоставленную возможность ознакомиться с результатами этих раскопок.

⁴⁶ Назовем здесь такие наиболее известные публикации меотских могильников, как: В. А. Гордoв, Елизаветинское городище и сопровождающий его могильник, СА, 1936, № 1, стр. 171—185; Н. В. А н ф и м о в, Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской, МИА, 23, 1951, стр. 155—207; о н ж е, Сложение меотской культуры и ее связи со степными культурами Северного Причерноморья, ПСА, МИА, 177, 1971, стр. 170—177; К. Ф. С м и р н о в, Меотский могильник у станции Пашковской, МИА, 64, 1958, стр. 272—312.

существовавшие во многих могилах, — слева от покойного. Очень распространена была традиция положения миски под голову умершего, часто встречаются также кости жертвенных животных в мисках и галька⁴⁷.

Погребальные обряды меотов Среднего Прикубанья и населения, оставившего гробницы — каменные ящики в окрестностях Анапы, имеют некоторые общие черты: это — вытянутое труположение, восточная ориентация, формы и набор инвентаря (медные браслеты с утолщениями на концах, мечи «меотского» типа, некоторые формы сероглиняной керамики). Все это указывает на известную близость обитателей хоры Горгипсии и меотов Среднего Прикубанья. Вместе с тем ряд особенностей «анапских» могильников (кольцевые обкладки вокруг гробниц — каменных ящиков, коллективные захоронения) свидетельствуют о значительном своеобразии местной варварской культуры. Район, где находятся рассматриваемые могильники, все античные авторы включали в территорию Синдики, а синды столь же единодушно считались родственными меотам, хотя и упорно выделялись среди прочих меотских племен⁴⁸. Вероятно, последнее объяснялось как более ранней и значительной эллинизацией синдов, так и особенностями их быта и обрядов. Это, как мы видим, вполне подтверждается археологическим материалом. Таким образом, все сказанное, на наш взгляд, позволяет считать могильники, обнаруженные близ Анапы, местами захоронения рядового местного населения, предположительно синдов⁴⁹. Учитывая пограничное положение района древней Горгипсии и слабую изученность глубинных областей Синдики, острее все же говорить о варварском населении этих мест как об одной группе синдов или локальном варианте синдской культуры. Разумеется, многое из высказанного нами о синдах нуждается в проверке и уточнении новыми археологическими материалами.

По соседству с синдами, согласно античной литературной традиции, жили племена керкетов и торетов. Судя по последовательности, с какой Псевдо-Скилак описывал север-восточное побережье Понта (Ps.-Scyl., 73—74), а также по локализации древнего Торика в районе Геленджика⁵⁰, соседи эти обитали южнее Синдики. Вероятно, керкетам принадлежали гробницы — грубые каменные ящики с коллективными захоронениями VII—II вв. до н. э., обнаруженные в урочище Широкая балка севернее города Геленджика. В них находилось от двух до четырех костяков (юго-западная ориентация), а также оружие — кинжал, наконечники копий и дротика, боевая секира, лепная посуда, бусы, мелкие бронзовые украшения⁵¹.

Можно думать, что несколько гробниц VIII—VII вв. до н. э. с явно негреческим обрядом раскопанных около Новороссийска, оставлены торетами. Это также каменные ящики, содержавшие от двух до пяти костяков с северной ориентацией. Инвентарь погребений состоял из оружия, лепных сосудов, мелких медных украшений, конской сбруи, костей животных⁵². Особенно следует отметить 15 погребений в грунтовых могилах, забитых камнями. Позы покойных — скорченные и вытянутые, ориентация южная.

⁴⁷ Подробнее о меотском погребальном обряде см. в указанных выше работах.

⁴⁸ H e l l a n., 92; P s. - S c y l., 70; S t r a b o, VII, 2, 11.

⁴⁹ Погребениям в Семибратних курганах, кстати, присуща также восточная ориентация. Точка зрения о синдской принадлежности этих гробниц не разделяется самой Е. М. Алексеевой.

⁵⁰ Н. А. О н а й к о, О работе Новороссийско-Геленджикской экспедиции, АО 1973 г., М., 1974, стр. 121.

⁵¹ О н а ж е, Отчеты о работах Новороссийского отряда в 1967 и 1969 гг., Архив ИА АН СССР, Р — I, № 3551, стр. 11—13; № 4253, стр. 14—17.

⁵² А. В. Д м и т р и е в, Новые материалы VIII—V вв. до н. э. из района Новороссийска, «Археология Северного Кавказа. VI Крушиновские чтения в Краснодаре» (Тезисы докладов), М., 1976, стр. 19—20.

Инвентарь состоял из железных наконечников копий и стрел, секиры с молотовидным обушком, браслетов из медной проволоки, бус, лепной и привозной ионийской посуды. В одной из могил найдены череп и кости ног коня вместе с железными удилами. Все погребения относятся к VII—VI вв. до н. э.⁵³

Наиболее близкие аналогии этим захоронениям из всех известных в настоящий момент памятников в Северо-Восточном Причерноморье имеются в упомянутом выше могильнике Фронтное I около Феодосии. Это наряду с необыкновенной схожестью синдских гробниц и каменных ящиков с кольцевыми обкладками, обнаруженных в некоторых районах Керченского п-ова, является еще одним свидетельством в пользу уже неоднократно высказывавшегося предположения, о связях, культурной близости, а возможно, и этническом родстве населения Крыма и Северного Кавказа в эпоху бронзы и раннего железа.

В некрополях городов Азиатского Боспора имеется значительное число погребений VI—II вв. до н. э. с обрядом, характерным для синхронных захоронений меотских грунтовых могильников Среднего Прикубанья (наличие рядом с покойным мясной пищи в миске и южная ориентация). По ряду признаков большинство скорченных и полускорченных погребений из городских некрополей близки подобным захоронениям в меотских могильниках⁵⁴. Все это не только говорит о проникновении в боспорские города, главным образом азиатской части государства, выходцев из Среднего Прикубанья, но и, быть может, указывает на присутствие на Таманском п-ове каких-то еще археологически не выделенных и не локализованных меотских племен, родственных населению Прикубанья.

Вероятно, с дандариями можно связать несколько погребений VI—V вв. до н. э. с оружием и западной ориентацией, иногда с золотой подсыпкой и костями жертвенной пищи, обнаруженных в грунтовых некрополях предполагаемой Тирамбы, Кеи и у станции Ахтанизовской⁵⁵. Об этом свидетельствует как сам район, где найдены эти могилы, видимо пограничный с территорией, населенной в древности дандариями⁵⁶, так и западная ориентация в захоронениях, присущая для этого времени не только скифам⁵⁷ и савроматам⁵⁸, но и, по-видимому, другим ираноязычным племенам Северо-Восточного Причерноморья⁵⁹.

⁵³ Там же, стр. 20—21. Захоронения чучел коней имеются в Николаевском могильнике, относящемся к VIII—VII вв. до н. э. (см. Н. В. А н ф и м о в, Сложение меотской культуры..., ПСА, М., 1971, стр. 172), а также в одной из гробниц синдского некрополя у хутора Рассвет (см. Ю. С. К р у ш к о л, Отчет об археологических исследованиях в Анапском районе в 1969 г., Архив ИА АН СССР, Р — I, № 4264, стр. 9—10, погр. 6).

⁵⁴ А. А. М а с л е н н и к о в, Скорченные погребения в грунтовых некрополях боспорских городов, СА, 1976, № 3, стр. 127.

⁵⁵ О н ж е, О погребениях дандариев, сб. «История и культура античного мира», М., 1977, стр. 127 сл.

⁵⁶ В. П. Ш и л о в, О расселении меотских племен, СА, XIV, 1950, стр. 119.

⁵⁷ Я к о в е н к о, ук. соч., стр. 119.

⁵⁸ К. Ф. С м и р н о в, Савроматы, М., 1964, стр. 91.

⁵⁹ Ираноязычность дандариев в настоящий момент признается многими учеными (см. А б а е в, Осетинский язык и фольклор, т. I, стр. 37; С м и р н о в, Савроматы, стр. 268). О. Н. Трубачев считает дандариев не иранцами, а индоарийцами (О синдах и их языке, стр. 62—63). Ираноязычными были, вероятно, как уже говорилось выше, и собственно киммерийцы. В этой связи примечательно, что западная ориентация господствует в упомянутых нами каменных ящиках Керченского п-ова. Эту же ориентацию имеют и обнаруженные в последние годы в Крыму и в Приднестровье погребения VIII—VII вв. до н. э., определенные некоторыми исследователями как киммерийские (см. А. А. Ш е п и н с к и й, Погребение начала железного века у Симферополя, КСИАНУ, 1962, № 12, стр. 57—64; В. И. Б и д з и л я, Э. В. Я к о в е н к о, Киммерийские погребения «Высокой могилы», СА, 1974, № 1, стр. 148—159).

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что многие из выдвинутых предположений гипотетичны. Лишь дальнейшие раскопки в глубине Таманского п-ова и восточнее Темрюка могут пролить свет на этническую карту этого района в эпоху Спартокидов.

А. А. Масленников

ON THE ETHNIC COMPOSITION AND HISTORY
OF THE POPULATION OF THE BOSPORAN *CHORA*
IN THE SIXTH TO SECOND CENTURIES B. C.

A. A. Maslennikov

Successful excavations in the last two decades have yielded material which lends substance to our general notions about the barbarian neighbours of the Bosporan Greeks in this period. Burial customs have been studied most intensively, also the farming methods and culture of the Scythians in Eastern Crimea and the Maeotae living along the middle reaches of the Kuban.

Stone-box tombs with ring facing, found in some coastal districts of the Kerch peninsula allow the inference that groups of non-Scythian barbarians — perhaps descendants of the Cimmerians — lived here in the period under review. At any rate excavations have helped to form a general idea of the history and ethnic composition of the people inhabiting the *chora* on the European side of Bosphorus in the 3rd to 1st centuries B. C., whereas the literary sources shed no light at all. On the Asiatic side important information was provided by graves excavated near Anapa and Novorossisk. These are apparently burials of ordinary Sindi, also Toretai and Cercetae. They bear witness to the individuality of Sindian culture and to Sindi ties with the Maeotic tribes of the Kuban region, relations which are attested also by the literary tradition.

The excavations carried out in the last two decades confirm the hypothesis regarding the cultural, and evidently also the ethnic, kinship obtaining between the population of the Crimea and that of the North Caucasus in the late Bronze and early Iron ages; they also enable us to trace the complex ethno-cultural processes which took place in the Bosporan *chora* from the 6th to the 2nd centuries B. C.